

DOI 10.5862/JHSS.227.1
УДК 327.7

М.Л. Лагутина

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу современных интеграционных процессов в контексте глобальной регионализации. Рассмотрен процесс эволюции феномена интеграции в историческом контексте и в условиях современного мирового развития, когда локальное и глобальное сосуществуют не как взаимоисключающие процессы, а, скорее, как взаимодополняющие. В этой связи отмечена идея смены поколений форм региональной интеграции. Фактически территориально-государственный принцип интеграционного объединения сменяется принципом пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе. Автор приходит к выводу, что в XXI веке наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы.

ИНТЕГРАЦИЯ; ГЛОБАЛИЗАЦИЯ; ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ; ТЕРРИТОРИЯ; ПРОСТРАНСТВО; НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ; КОНГЛОМЕРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ.

Современную интеграцию можно рассматривать как инструмент мировой политики, при помощи которого мировое сообщество объединяется для эффективного решения глобальных проблем современности («вызовы» глобализации), поскольку национальные государства в одиночку не в состоянии справиться со многими из них. Для эффективного использования властных полномочий в мировом масштабе необходимы тесное взаимодействие между акторами мировой политики, четкая координация их действий, а также разработка общих норм и правил. Сама мировая политика содержит в себе интеграционные начала.

Вопреки распространенному мнению, что интеграция – феномен XX столетия, первые элементы интеграционных процессов можно увидеть и в прошлые эпохи, если под процессом интеграции понимать расширение экономических, политических и культурных взаимосвя-

зисимостей между различными государствами, и даже отдельными регионами мира. Особенно в период становления индустриального общества всплеск интеграционных процессов был не случаен, так как эти процессы стали следствием преодоления автаркии государств, образования мировых рынков, а также формирования интеграционных политико-идеологических схем, что было свойственно эпохе. Так, со времени образования в середине XIX века Интернационала наблюдается устойчивая тенденция к созданию объединений, союзов, сообществ, транснациональных институтов типа Лиги Наций или Организации Объединенных Наций (ООН). Данная тенденция сказалась и в производственно-технологической сфере, где совершенствование производительных сил было ориентировано на общие стандарты и повсеместное взаимодействие (эта тенденция нашла свое нынешнее развитие в колоссальном росте

значения и авторитета Всемирной торговой организации – ВТО). Социальная проблематика также нашла свое отражение в развитии индустриального общества (формирование системы всеобщего избирательного права, формирование концепции социально ответственного государства). В духовной сфере распространялись идеи «всеединства», цивилизационного взаимообогащения и сближения культур разных народов, морально-этические принципы всеобщей справедливости и гуманизма и т. д.

Однако если период индустриального общества рассматривать как первый этап развития интеграции, то в основном этим процессом была затронута сфера экономики, а потому, как замечает российский исследователь Ю.В. Шишков, «первыми исследователями тех экономических явлений, которые позднее стали основой международной интеграции, были специалисты в области внешней торговли и торговой политики. Еще в XVIII и XIX веках осмысливались экономические последствия первых международных выгод торговых соглашений: англо-португальского договора 1703 года, англо-французского договора 1860 года и в особенности германского Таможенного союза (1834–1871)» [1, с. 29]. Но уже в тот период имели место научные дискуссии об эффективности политики объединения. Так, например, классики политической экономии А. Смит и Д. Рикардо выступали против торговых альянсов, аргументируя свою позицию тем, что они мешают нормальному развитию международного товарообмена, сдерживают свободную рыночную конкуренцию. В свою очередь, немецкий экономист Ф. Лист выдвигал контраргументы в защиту таможенных союзов, доказывая необходимость такого рода союзов для защиты формирующихся индустриальных отраслей.

Сам термин «интеграция» стал активно использоваться при анализе социально-экономических процессов лишь в XX веке (ранее данный термин применялся исключительно в естественных науках). Под интеграцией (от *lat. integratio* – восстановление, восполнение некоего единства) в широком значении понималось возникновение новой общности из прежде разрозненных частей [2]. Первыми разработчиками этого понятия в политической науке стали немецкие ученые первой половины XX века (Р. Шмед, Х. Кельзен и Д. Шиндлер), которые

понимали под интеграцией создание социально-политической общности. Однако развитие международного сообщества в тот период еще не создало необходимых предпосылок для реализации идей интеграции. Лишь после Второй мировой войны термин «интеграция» стали применять для обозначения различных форм международного сотрудничества. Стало возможным говорить о появлении понятия «международная интеграция». В современной науке интеграция понимается как процесс нарастания тесных связей между государствами, причем во многом это сближение основывается на каких-либо общностях (культурных, территориальных, исторических и т. д.). Это добровольное и взаимовыгодное объединение отдельных частей в некую самостоятельную целостность, в результате чего участники интеграционного объединения получают преимущества, каких они не имели бы, действуя автономно. Именно ожидание выгоды и заставляет различные государства включаться в интеграционные потоки, где практически все страны могут найти свое место, независимо от их положения в мире, потенциала и уровня развития.

В современной научной литературе мы не встретим двух одинаковых определений понятия «интеграция». По мнению российского исследователя Н.Е. Овчаренко, это можно объяснить, во-первых, «наличием множества моделей, типов интеграционных процессов, которые различаются по целям и функциям», и, во-вторых, «различиями национальных интересов, которые преследуют отдельные государства или группы государств» [3]. Из практического опыта интеграции государств следует, что существуют большие отличия между интеграционными моделями, союзами и их формами, что, естественно, затрудняет выработку общего определения понятия «интеграция». Об этом же пишет российский исследователь А.А. Байков: «Само понятие „интеграция” существенно меняется, что ведет к размыванию казавшегося 20 и 30 лет назад незыблемым „европейского интеграционного канона”. Трактовки интеграции вбирают в себя опыт неевропейских интеграционных очагов...» [4, с. 236]. Действительно, вплоть до недавнего времени европейский опыт интеграции рассматривался в качестве универсального образца для развития региональных интеграционных процессов на других континентах: «мак-

рорегионализация и региональная интеграция стали распространяться на другие части мира, превратившись в одну из основных стратегий модернизированного межгосударственного взаимодействия с целью укрепления коллективного или индивидуального потенциала стран-участниц» [5, с. 225]. Однако с течением времени стало очевидно, что «европейская» модель не вполне применима к формирующимся на других континентах региональным моделям. В результате сегодня выделяют азиатскую модель интеграции, латиноамериканскую и др.

Определение термина «интеграция» специалистами из различных научных областей также не всегда совпадает. В международном праве интеграцией признается факт учреждения зоны свободной торговли или таможенного союза. В изданиях ООН, Всемирного банка, МВФ, ВТО этот феномен отождествляется с формированием региональных торговых блоков. То есть если несколько стран подписали договор о свободной торговле или таможенном союзе, то эти страны автоматически попадают в разряд интегрированных. Такой подход означает, что интеграция — это не процесс нарастания хозяйственной взаимозависимости и политического взаимодействия тех или иных стран, а лишь формальное закрепление намерений. При этом в рамках данного подхода остаются непонятными причины, по которым государства решают интегрироваться [1, с. 20]. В последнее время в социально-экономических исследованиях стал использоваться так называемый «индекс интегрированности», в соответствии с которым интеграцией называют сам рост экономической открытости стран, без учета не только ее причин и результатов, но и того факта, входят ли эти страны в тот или иной региональный союз. «На базе четырех компонентов (доли внешней торговли в ВВП, рейтинга доверия к стране со стороны институциональных инвесторов, доли прямых иностранных инвестиций в ее ВВП и удельного веса готовых изделий в ее экспорте) по особой методике высчитывается „индекс интегрированности“. Если рассчитанный таким образом индекс оказывается величиной положительной, значит, страна „интегрируется“ со всем остальным миром. Если же получается отрицательная величина, значит, „дзинтегрируется“» [6, с. 14]. Данные примеры хорошо иллюстрируют проблему определения понятия

«интеграция» в современной науке. В представленных определениях четко видны разногласия по поводу того, что является движущей силой интеграции — экономическая выгода или политическая идея.

Суммируя все приведенные выше трактовки понятия «интеграция», можно прийти к выводу, что до недавнего времени доминировало понимание интеграционных процессов как сугубо экономических. Причины — необходимость устранения различного рода преград в международных экономических отношениях и создания единого мирового рыночного пространства. Интеграционные объединения в своем нынешнем качестве, где экономика тесно переплетается с политикой, стали возникать с середины XX века. Они характеризуются географической близостью участников интеграционного процесса, схожестью уровней социально-экономического развития, наличием общих культурно-исторических традиций, а также едиными идеями и задачами. Однако глубина интеграционных процессов во многом зависит от уровня развития и структуры экономики. Именно высокий уровень развития производительных сил и схожесть усложненной структуры экономики являются необходимыми предпосылками для усиления интеграционных процессов. Этим объясняется, почему реальные интеграционные процессы имеют место в развитых регионах мира.

Исследовательский интерес к интеграционным процессам в последнее время возрастает. Так, ряд ученых особое внимание уделяют упомянутому выше процессу снижения роли государственных границ и связанного с этим экономического неравенства субъектов хозяйственной жизни [7, с. 1]. Этот аспект интегрирования, несомненно, важен при создании тех или иных интеграционных альянсов. Однако на современном этапе развития мирового социума ограничиваться интеграционными связями только в экономике уже невозможно. В рамках неофункционалистского подхода классическим считается определение интеграции, данное Э. Хаасом: интеграция — «это процесс, посредством которого лояльность политических акторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра принятия решений, который становится центром политической активности.

Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество» [См.: 8, с. 433].

Американский исследователь Б. Розамонд в книге «Теории европейской интеграции» собрал целый ряд определений интеграции:

- интеграция — это «формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем» (М. Ходжес);
- интеграция — это «создание сообщества безопасности между государствами региона» (К. Дойч);
- интеграция — «это создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями» (У. Уоллас) [9, с. 11].

Таким образом, речь идет о качественно новом характере интеграционных взаимосвязей. Прежде всего, объективные процессы глобализации, информатизации и демократизации привели к исчезновению определяющего значения «территориально-государственного фактора» во взаимодействии отдельных граждан и их объединений в политической, культурной, социальной и других сферах. *На смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе.* Многообразие существующих интеграционных политических и экономических схем свидетельствует о разной степени готовности национальных государств (часто — политических элит) участвовать в глобальных процессах XXI века. Так, одна группа государств рассматривает интеграционную политику как способ укрепления своего экономического и политического господства (например, США), другая возлагает определенные надежды на эффективность политики интеграции как способа успешного участия в современных мирополитических процессах (например, Россия, Бразилия), третья группа (главным образом развивающиеся страны) с опаской относится к политике интеграции, зачастую рассматривая ее как новую форму неокOLONIALИЗМА (государства Африки).

В современных условиях понятие «интеграция» стало неотъемлемой частью языка международных отношений и мировой политики. В последние десятилетия XX — начале XXI века все эти процессы пошли лавинообразно. Таким образом, главное отличие современного пери-

ода заключается в переходе интеграционных процессов в свою интенсивную фазу развития. Особенностью XXI века в развитии социально-политической и экономической сфер общества является выдвижение на первый план интеграции как основного инструмента в институциональном строительстве новых мирополитических феноменов — *глобальных регионов*, под которыми понимаются структурированные пространства, основными характеристиками которых являются как традиционные факторы (исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т. д.). При этом необходимо подчеркнуть, что в этом случае инструменталистский характер интеграции определяется его политическим содержанием, потому что именно политическая воля тех или иных акторов международных отношений влияет на конфигурацию и содержательные характеристики глобального региона. Так, например, глобальный регион, определяемый интеграционной политикой США, Канады и Мексики (НАФТА), не имеет наднациональных черт по той причине, что США категорически не допускают возможности подрыва собственного суверенитета. Другой яркий пример — СНГ. В уставных правилах этого содружества государств подчеркнута недопустимость политики создания наднациональных структур. Примерами иного характера являются, безусловно, Европейский союз и, возможно, Меркосур и АСЕАН, а также новое интеграционное объединение на постсоветском пространстве — Евразийский экономический союз, где политика интеграции определяется как инструмент создания наднациональных органов управления.

В этой связи интересна позиция российского исследователя Н.А. Косолапова, который считает, что необходимо четко разводить понятия *интеграция* и *регионализация*, поскольку политика интеграции не всегда ведет к созданию со-управления как наднационального фактора в развитии глобальных регионов, а регионализация является результирующим процессом именно наднационального политического строительства. Объективная тенденция интеграции в современном мире вызвала к жизни новый пространственный феномен «наднациональности». Особенно активно анализом данного

явления занялись европейские исследователи после создания Европейского объединения угля и стали (1951), которое положило начало строительству «Европейского Дома» — политической, экономической, социальной и культурной общности европейских государств, пространства, в котором должен был быть положен конец международной ненависти и соперничеству. Однако эта идея не была абсолютно новой, так как еще в Средние века в трудах европейских мыслителей (например, Д. Алигьери, Э. Роттердамского, Я.А. Коменского и др.) развивалась идея «общего европейского Дома» как единого христианского пространства. Данная идея нашла свое продолжение в эпоху Просвещения в трудах Ш. де Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, а в XIX веке — в трудах О. Конта, А.-К. Сен-Симона и др. Особо нужно выделить итальянского революционера Дж. Мадзини и французского писателя В. Гюго, которым принадлежит идея создания Соединенных Штатов Европы. Периодом расцвета идеи панъвропейского единства стали 50-е годы XX века, когда Ж. Монне («Отец Европы») выступил инициатором объединения: «Страны Европы недостаточно сильны по отдельности, чтобы быть способными гарантировать процветание и социальное развитие своим народам. Государства Европы должны сформировать федерацию, которая объединила бы их в единую экономическую силу» [10]. В этот период формируется позиция, согласно которой международное право в вопросах интеграции в целом должно быть наднациональным, поскольку исполнительные органы интеграционных объединений представлялись относительно независимыми от юрисдикции государств и имели наднациональную природу.

Подводя некоторый итог рассмотрению понятия «интеграция», важно подчеркнуть следующие особенности его содержательного наполнения:

- в период индустриального общества главный смысл интеграции определялся экономическими интересами отдельных государств, которые шли на сближение, имея в виду исключительно национальные интересы и основываясь на территориальном принципе взаимодействия;

- в условиях постиндустриального общества интеграция становится инструментом со-

здания глобальных регионов и институтов наднационального управления;

- процесс интеграции в начале XXI века охватывает не только традиционную сферу экономики, но практически все сферы общественного развития, что дает основание говорить о феномене *мировых интеграционных процессов*;

- феномен «наднациональности» следует рассматривать как один из основополагающих компонентов современных мировых интеграционных процессов и глобальной регионализации, в совокупности представляющих собой характеристику новой стадии в развитии мирового социума.

Каковы же аргументы, с помощью которых можно доказать правильность вывода о феномене мировых интеграционных процессов? Во-первых, резко повысилась степень взаимозависимости современного человечества. Трансграничность как важнейшая характеристика глобального социума привела к тому, что государственный суверенитет стал утрачивать свою абсолютность как принцип международного права, уступая место концепции «наднациональности» как основы для глобального управления, регулирования и контроля в мировом масштабе [11, с. 17]. Во-вторых, наряду с глобализацией и информатизацией идет процесс демократизации мирового сообщества, что можно рассматривать и как одно из последствий «информационной революции», благодаря которой виртуальные возможности общения в Интернете значительно активизировали процессы формирования глобального гражданского общества, а также привели к популяризации основных либерально-демократических принципов. Это нашло отражение в мировых политических интеграционных тенденциях, что, в частности, выразилось в рамках ЕС в создании общеевропейской партии «зеленых», европейской левой партии и других политических и общественных объединений. В мировом масштабе можно говорить о действенном союзе социалистических партий (Социнтерн), либеральных партий (Либеральный интернационал), а также о множестве международных неправительственных организаций. Таким образом, существуют объективные предпосылки для формирования мирового гражданского общества. В-третьих, становится очевидным, что уже существуют в мире как объективные

глобальные экономические условия для более тесного сотрудничества, так и информационно-технические возможности для всемирного политического и демократического управления, а также контроля устойчивого развития мировой цивилизации.

В результате могут быть выделены следующие сферы современных мировых интеграционных процессов:

- политическая (транснациональная партийная среда: Социнтерн, Консервативный альянс, межпарламентские организации и пр.);
- социальная (формирование глобального гражданского общества, движение антиглобалистов, корпоративное гражданство и пр.);
- экономическая (зоны свободной торговли, таможенные союзы, глобальный рынок труда и пр.);
- сфера безопасности (военно-техническое сотрудничество, борьба с терроризмом, охрана границ, борьба с организованной преступностью);
- культурная (культурный обмен, лингвистические организации – Франкофония, Лузофония и др.);
- научная (научные сообщества, международные виртуальные проектные сообщества);
- образовательная (Болонский процесс, виртуальные университеты и т. д.);
- информационная (электронные правительства, социальные сети и др.).

Итак, можно констатировать, что современные формы интеграционных пространств многообразны и находятся в тесной взаимосвязи, что свидетельствует о новом постклассическом этапе развития мирового социума. В условиях XXI века классические формы интеграции трансформируются из узкоэкономических, государственно-территориальных форм в новые *конгломерационно-пространственные* в различных сферах деятельности человеческой цивилизации, в которых наряду с государством начинают участвовать и другие акторы мировой политики.

Продолжая теоретический анализ феномена мировых интеграционных процессов, необходимо наряду с рассмотренными выше сферами современной интеграции выделить и ее основные формы. В этой связи можно упомянуть позицию российского исследователя Н.Е. Овчаренко, которая, используя метод мо-

делирования, выделяет три основные модели современных интеграционных объединений:

1. Региональные и межрегиональные интеграционные сообщества, которые, в свою очередь, делятся на группы по целям: экономические, политико-экономические (с элементами социального интегрирования), политические, военно-политические, институционально-координационные и др.

2. Международные правительственные наднациональные организации координирующего типа (например, Организация Объединенных Наций).

3. Международные неправительственные организации, к числу которых относятся профсоюзы, транснациональные корпорации и т. д. [3].

Однако нам представляется, что модельный ряд Н.Е. Овчаренко неполный. Исходя из тезиса о многоуровневости и многомерности современного интеграционного пространства, мы считаем, что модельный ряд современных интеграционных объединений более разнообразен. Так, например, в условиях глобализации появился целый ряд неформальных объединений государств (например, «Большая двадцатка», БРИКС, МИКТА и др.) и бизнес-сообществ (например, Давосский форум, Санкт-Петербургский экономический форум и т. д.). Их можно рассматривать как новые формы интеграционных объединений XXI века, в основе которых лежит не территориальный, а пространственный принцип взаимодействия.

Возвращаясь к размышлениям о характере постклассического этапа интеграционных процессов, следует еще раз подчеркнуть, что в условиях XXI века наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы (глобальные регионы). Здесь уместно упомянуть точку зрения известного английского исследователя Р. Купера, который отмечал, что в «постмодернистской системе» нет базисных постулатов баланса сил и традиционного разграничения политики государств на внешнюю и внутреннюю. Поэтому

к числу стран «постмодерна», по его мнению, следует относить страны, активно участвующие в интеграционных наднациональных объединениях, например в Европейском союзе, который представляется ученому высокоорганизованной системой взаимного вмешательства во внутренние дела государств. Таким образом, в условиях глобальной регионализации остро встает вопрос о суверенитете как о важнейшей составляющей эпохи господства межгосударственных отношений в международной жизни. Возникает объективная потребность подняться над национальными интересами государств и понять объективную значимость интеграционных общечеловеческих интересов. В этом контексте представляется закономерным рассматривать интеграционные процессы, идущие в рамках процесса глобальной регионализации (где локальное и глобальное сосуществуют не как взаимоисключающие процессы, а, скорее, как взаимодополняющие) [12], как качественно новую форму в сравнении с интеграцией, основанной на принципе регионализации.

В результате происходящих в мире процессов глобализации, информатизации и демократизации государства вынуждены смириться с растущей взаимозависимостью и необходимостью соизмерения собственных национальных интересов с интересами мирового бизнес-сообщества и глобального гражданского общества, что, по нашему мнению, можно обозначить как *«конгломерационную» форму международных связей и взаимодействий*, ведущую к возникновению целого ряда общих проблем, решение которых уже не может быть найдено в рамках национально-государственных границ. Именно это является основополагающим фактором возрастания процессов глобальной регионализации. Свидетельствами этого могут служить региональные интеграционные группировки, международные организации (формального или неформального характера), значение которых с каждым днем возрастает. Также нельзя недооценивать массовые движения гражданского общества. Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня действуют мощные интеграционные тенденции, причем не только со стороны государственных структур, но и со стороны бизнес-сообщества и гражданского общества.

На современном этапе мировой политической процесс развивается на нескольких

уровнях. Прежде всего на государственном уровне – между правительственными и общественными структурами внутри государства. Второй уровень – межправительственный, представляющий собой взаимодействие между правительствами разных стран. Третий – наднациональный, включающий в себя взаимодействия нескольких видов: между наднациональными институтами (как правительственными, так и неправительственными) и государственными органами или общественными структурами. Кроме того, особый вид взаимоотношений представляют собой связи между общественными организациями разных государств на транснациональном уровне: «институты и механизмы транснационального управления претендуют на то, чтобы восполнить разрыв между растущей взаимозависимостью мира и его недостаточной управляемостью» [13, с. 12]. Это свидетельствует о растущем влиянии на мировую политику международных общественных структур, что означает более тесное сотрудничество и постепенное формирование глобального мирового сообщества. В этой связи особого внимания заслуживает концепция Дж. Розенау, где отмечается, с одной стороны, тенденция к универсализации мира, а с другой – тенденция к его фрагментации. По мнению американского политолога, отношения в современном мире характеризуются центристскими силами (глобализацией и интеграцией) и действующими с ними параллельно центробежными силами (фрагментацией и регионализацией государств), или «фрагментативностью» [14, с. 99–118]. Представляется, что именно в этом ключе и можно рассмотреть предлагаемую модель новой формы интеграции в условиях процессов глобальной регионализации – *«конгломерационную модель интеграционных взаимодействий»*.

В классическом варианте интеграция представляет собой один из доминирующих факторов современных международных отношений и является высшей формой межгосударственного взаимодействия. Однако в начале XXI века развиваются различного рода интеграционные процессы, идущие как вширь, так и вглубь. Возникают новые интеграционные группировки, происходит модификация их организационных форм, эволюция более простых к более сложным моделям. Становление конгломерацион-

ных интеграционных процессов, на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами:

- производственно-техническим — резкое возрастание масштабов производства, международные формы его проявления заключаются в деятельности ТНК; качественно новый уровень средств связи и транспорта, обеспечивающий быстрое распространение товаров и услуг, ресурсов и капиталов;

- экономическим — небывалая концентрация и централизация капитала, новые организационные формы, выходящие за государственные границы, что способствует формированию единого рыночного пространства;

- информационным — радикальное изменение средств общения, обмена информацией, что создает возможности оперативного, современного и эффективного решения производственных, научно-технических задач на международном уровне;

- научно-технологическим — экономические выгоды использования передового научно-технического и технологического и квалификационного уровня ведущих в соответствующих областях стран для ускоренного внедрения новых решений при относительно меньших затратах;

- социологическим — ослабление роли привычек и традиций, социальных связей и обычаев, преодоление национальной ограниченности, что повышает мобильность людей в территориальном, духовном и психологическом отношениях, способствует международной миграции;

- политическим — тенденция к ослаблению жесткости государственного суверенитета, появлению наднациональных структур, повышению свободы передвижения граждан, товаров, услуг и капиталов;

- экологическим — проблемы сохранения окружающей среды, обеспечения продовольствием растущего населения Земли, поиска новых источников энергии, сохранения мира и выживания человека в «ядерную эпоху» и другие для своего решения требуют объединения усилий мирового сообщества, поскольку разрешение этих глобальных проблем уже не по силам отдельным государствам и их региональным объединениям;

- идеологическим — в условиях постиндустриального развития, когда процессы деколонизации и цивилизационного и экономического возрождения развивающихся стран стали доминировать в условиях глобализации и демократизации, на первый план стал выходить принцип интеграции «единство в многообразии».

Привлекательность современных интеграционных методов развития во многом объясняется тем, что, как справедливо заметил российский ученый Ю. Лепешков, «интеграция позволяет получить такие материальные, интеллектуальные и иные средства, каких ни один из участников не имел бы, действуй он автономно» [15].

Таким образом, переходность современного периода — второе десятилетие XXI века — заключается в преодолении интеграционной обособленности в рамках политики регионализма, где национальные интересы преобладают. Особенностью современных интеграционных процессов являются их глобальное (мировое) измерение и переход к началу *глобально-региональной стадии интеграции*, т. е. переход от региональных интеграционных группировок к глобальным наднациональным институтам, основанным на взаимодействии государств, бизнес-структур и гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шишков Ю.В.** Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III Тысячелетие, 2001.

2. **Стрежнева М.В.** Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Современная мировая политика: прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 537–557.

3. **Овчаренко Н.Е.** Модели современных интеграционных процессов. URL: <http://www.xserver.ru/user/msipr/> (дата обращения: 30.02.2015).

4. **Байков А.А.** Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012.

5. **Практика** зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015.

6. **Рубинский Ю.И.** Европа XXI века: государство, политические системы, гражданское общество // Доклад Института Европы РАН. М., 2000. № 67.

7. **Henderson B.** The Theory of Economic Integration. L., 1962.
8. **Dougherty J., Pfaltzgraff R.L.** Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. N. Y., 1990.
9. **Rosamond B.** Theories of European Integration. L., 2000.
10. **Монне Ж.** // Энциклопедия «Люди». URL: http://www.peoples.ru/state/politics/jean_monnet/ (дата обращения: 10.03.2015).
11. **Балуев Д.Г.** Информационная революция и современные международные отношения. Н. Новгород, 2001.
12. **Леонова О.Г.** Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Журналь-
ный клуб «Интелрос». URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html> (дата обращения: 30.02.2015).
13. **Транснациональные** политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: Весь мир, 2011.
14. **Rosenau J.** Along the Domestic-Foreign frontier. Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997.
15. **Лепешков Ю.А.** Интеграция в рамках Европейского союза: некоторые вопросы теории. URL: <http://www.humanities.edu.ru> (дата обращения: 19.02.2015).

ЛАГУТИНА Мария Львовна – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: manipol@mail.ru

M.L. Lagutina

INTEGRATION AS A TOOL OF GLOBAL REGIONALIZATION

This article is devoted to analysis of the modern integrational processes in the framework of the global regionalization. The author regards the process of the evolution of the integration in the historical context and in the modern conditions of the world development, where local and global coexists. As a result the author concludes that today we are observing a new “wave” of world integrational processes, which is related to its transition to a global stage. In the era of globalization the classical form of states territorial integration is being transformed (as international regions) from one in which states were guided exclusively by national interests into global-regional integration, where supranational interests are coming to the forefront.

INTEGRATION; GLOBALIZATION; GLOBAL REGIONALIZATION; TERRITORY; SPACE; SUPRANATIONALITY; CONGLOMERATION INTEGRATION MODEL.

REFERENCES

1. Shishkov U.V. *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyut'sya strany SNG* [Integrational processes on the threshold of XXIst century. Why the CIS's countries are not integrated]. Moscow, III Millenium Publ., 2001. (In Russ.)
2. Strezhneva M.V. [Integration and involvement as the tools of global governance]. *Sovremennaya mirovaya politika: prikladnoy analiz* [Modern world politics: applied analysis]. Moscow, Aspect Press Publ., 2009. Pp. 537–557. (In Russ.)
3. Ovcharenko N.E. *Modeli sovremennykh integratsionnykh protsessov* [Models of the modern integrational processes]. XServer.ru. Available at: <http://www.xserver.ru/user/msipr/> (accessed 30.02.2015).
4. Baykov A.A. *Sravnitel'naya integratsiya. Pracktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy*

Azii [Comparative integration. The models of the integration in Europe and the Pacific Asia]. Moscow, Aspect Press Publ., 2012. (In Russ.)

5. *Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoy politiki* [A practice of foreign area studies and world politics]. Moscow, Magistr, INFRA-M Publ., 2015. (In Russ.)

6. Rubinskiy U.I. [Europe in XXI century: nation-state, political systems, civil society]. Report of the Institute of Europe RAS. Moscow, 2000. No. 67. (In Russ.)

7. Henderson B. *The Theory of Economic Integration*. London, 1962.

8. Dougherty J., Pfaltzgraff R.L. *Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey*. New York, 1990.

9. Rosamond B. *Theories of European Integration*. London, 2000.

10. Monnet J. *Encyclopedia "People"*. Available at: http://www.peoples.ru/state/politics/jean_monnet/ (accessed 10.03.2015).

11. Baluyev D.G. *Informatsionnaya revolutsiya i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Informational

revolution and the modern international relations]. Nizhniy Novgorod, 2001. (In Russ.)

12. Leonova O.G. *Global'naya regionalizatsiya kak fenomen razvitiya global'nogo mira* [Global regionalization as a phenomenon of the development of the global world]. *Journal's club "Intelros"*. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizatsiya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html> (accessed 30.02.2015).

13. *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political spaces: a phenomenon and practice]. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. (In Russ.)

14. Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign frontier. Exploring Governance in a Turbulent World*. Cambridge, 1997.

15. Lepeshkov Yu.A. *Integratsiya v ramkakh Evropeyskogo soyuza: nekotorye voprosy teorii* [Integration in the framework of the European Union: some aspects of the theory]. Available at: <http://www.humanities.edu.ru> (accessed 19.02.2015).

LAGUTINA Mariya L. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: manipol@mail.ru